

Ирина
Туманова

Однажды в Одессе 2

Ирина Туманова
Однажды в Одессе-2
Серия «Однажды в Одессе», книга 1

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21235972
Мультимедийное издательство Стрельбцкого;*

Аннотация

Гениальный ученый и злодей работает над изобретением эликсира любви, с помощью которого можно управлять влюбленными людьми в корыстных целях. Для эксперимента ему нужен новый материал. Случайный выбор падает на Олю, которая смеётся над этим чувством и упивается свободой от любовных чар. Несколько недель в клинике, куда ее приняли как бы на работу – и она раба любви. Любовь заставляет страдать и наслаждаться, она дает надежду и тут же забирает. Оля готова сделать всё ради объекта своей любви. А это говорит о том, что цель эксперимента достигнута, препарат готов. Но «экспериментальная» любовь давит так, что жить становится невозможно. Случайно Оля встречает в клинике женщину, которая была испытуемой из первых партий препарата, когда побочные эффекты имели разрушающий характер. Оля верит и не верит сумасшедшей женщине. Она боится и гонит страх. Но страх однажды вырвался наружу, и тогда Оля пытается бежать из прекрасного плена искусственной любви. Она находит

капли «противоядие», она решает бежать из клиники, бежать от Сергея. Но убежать, не попрощавшись, уже не может. Прощание затянулось до утра... Они уснули под деревом, прямо на измятой траве, как библейские слушники Адам и Ева. Они не думали о наказании, они не боялись первых солнечных лучей, которые прогонят лунный эротический туман. Синтетическая любовь уже пустила корни, и сквозь боль и слезы пробивались ростки настоящей любви, которая соединит злого гения и его подопытную мышку, превратив их в счастливых и влюбленных...

Ирина Туманова

Однажды в Одессе-2

Теплым покрывалом из багряных листьев укрылся лунный сад. Туман окутывал его таинственно и грациозно. Сад засыпал – туманный сад чых-то свиданий и дивных грёз...

* * *

По кабинету, выдержанному в строгих черно-белых тонах ходил мужчина. Ходил нервно и целеустремленно, так как обычно ходят одержимые ученые накануне великого открытия. Всего какая-то малость осталась до этого открытия, последняя ступенька, чтобы подняться на пьедестал. Но вот досада – ступенька оказалась непрочная, гнилая. Ступенька подломилась, ее надо было срочно заменить. А заменить-то не кем...

И в это время зазвонил телефон. Серьезный мужчина строго сказал в трубку:

- Да.
- Сергей Дмитриевич, здравствуйте. Это Павел.
- Я слушаю.
- Кажется, есть подходящий вариант.
- Так, давай поподробнее, – сразу оживился нервный ученый накануне величайшего открытия.

– Одна моя знакомая сдает квартиру двум девчонкам. Всё как вам надо: не местные, родственников нет, к тому же бухгалтерши...

– Так, хорошо. Сколько лет? Не слишком молоды?

– Нет, в самый раз.

– Не местные, родственников нет... – рассуждал вслух серьезный мужчина, которому позарез нужна была одна из этих неместных одиноких. – А как бы с ними познакомиться?

По голосу Павла можно было сразу догадаться, что он много знает. И даже то, как с этими молодыми, не местными работницами бухучета познакомиться.

– Лариса говорит, что они занимаются какой-то ерундой, что-то вроде частного сыскного агентства.

Мужчине не понравилась та ерунда, которой занимаются его девчонки:

– Это совсем не кстати.

– Да нет, не то, что вы подумали. Просто играют в детективов, фильмом насмотрелись, хобби, так сказать. Так вот через это хобби их и можно... ну, понимаете. Я Ларису попрошу нас свести...

– Но только не вводи ее в курс дела.

– Естественно.

– Подойдешь сегодня ко мне после шести. И препарат возьмешь. А там уж сам, на свой вкус, плеснешь той, которая больше понравится.

Хозяин черно-белого кабинета уже хотел положить трубку, но Павел спросил, немного робея:

– А как там... она? Без улучшений?

– Всё по-прежнему, – сухо ответил хозяин кабинета и чьей-то жизни.

* * *

После жуткого инцидента на пустыре, где девушки-детективы ловили маньяка по просьбе потерпевшей Ларисы, она стала частенько захаживать к ним в гости. Кто же мог предположить, что этим гнусным маньяком окажется любимый мужчина одной из агентов-детективов?! Кто же мог подумать, что агент-наживка для маньяка окажется не по зубам, и хрупкая девушка Оля чуть не до смерти забьет ногами любимого мужчину своей любимой подруги Светы? Кто мог подумать, что Света будет так сильно убиваться по маньяку, который однажды напал на их квартирную хозяйку? Маньяков-насильников Светлана не любила. Но Мишу маньяка она любила. Она его простила. Она его, как смогла, отмыла. Она страдала вместе с ним. Он – за решеткой. Она – на воле. И чувствуя свою, хоть и косвенную вину перед Светланой, Лариса, старалась отвлечь, развлечь, развеселить пострадавших агентов игрушечного агентства, занимающегося не игрушечными преступлениями. И Лариса навещала в гости, приносила с собой тортик, бутылочку дамского ви-

на, кучу новостей и сплетен. Вечера с Ларисой Семеновной становились всё теплее, и Света оживала ненадолго, забывая про свою тоску по Мише-маньяку, а Оля забывала про синяки на теле, полученные от Миши-маньяка. Как обычно, в таких случаях, немного успокаивала чужая беда. Про свадьбы, рождение долгожданных детей и бурные счастливые романы Лариса не говорила. Она рассказывала о проблемах, несчастной любви и прочих злоключениях знакомых и малознакомых людей, называя это сеансами психотерапии.

– А у нашего менеджера жена пропала, – начала Лара со свежих новостей.

Бывает, – вздохнула Оля и вместе с молчаливой Светланой приготовились слушать и сострадать по мере возможного человеку, попавшему, кажется, в детективную историю.

Но развиться прекрасному чувству сострадания помешал профессиональный интерес, возникший неожиданно-негаданно и незванно-непрошенно. Детективы ещё находились на «больничном» после удачного расследования дела Миши-маньяка: у Оли еще всё тело в синяках от его ударов, а у Светы – душа в кровоточащих ранах, а интерес уже тут как тут! Всё это немного пугало, но, тем не менее, отвлекало память, которая как назло только и делала, что копошилась в тяжелых воспоминаниях.

Лариса видела, как загорелись глаза у Ольги, как оживилась Света. Игра с опасностью не прошла для них даром. Но только Лариса Семеновна не торопилась удовлетворять их

детективный интерес.

Девчонки пытали её горячими очами, заламывали руки, но она не сдавалась:

Я себе не могу простить, что втравила вас в то дело с сексуальным маньяком, который Олю чуть не убил, и Света тоже... пострадала. А вы опять наострились. Понравилось, что ли с огнём играть?

Да, мне понравилось, – честно призналась Ольга. – И, не смотря на «усталую» синеву под глазами, я опять готова вызвать на бой какую-нибудь нечисть. Только, пожалуйста, не очень злую и желательно слабую и больную. Нет ли у вас такой на примете? – полушутя полусерьёзно выпрашивала Оля новые приключения на неугомонную «пятую точку», блестя зелеными глазами в обрамлении еще не сошедших синяков.

С ней, как ни странно, молча соглашалась Света. Прав был Мишенька-Мишель, запрещающий подругам дружить и играть в агентов – Ольга действительно имела влияние на подругу.

Вдвоём подруги сломили сопротивление Ларисы Семёновны, и она как бы нехотя выдала всё, что знала по этому вновь заведённому «уголовному делу», и даже пообещала свести игрушечных агентов с мужем пропавшей женщины.

Встреча состоялась на следующий вечер на территории заказчика. Мужчина, не смотря на беду, был даже рад неожиданной, и что самое главное, неофициальной помощи. И даже грозил денежным вознаграждением в том случае, если

жена найдётся живая и здоровая. Хотя за её психическое здоровье он больше всего и опасался.

Она у меня работала последнее время, недолго, правда – около полугода в психбольнице. Или, как теперь она именуется – в клинике для душевнобольных. Но суть от этого не меняется. Я вообще-то не очень приветствовал этот её шаг. Но она женщина самостоятельная у меня и решительная. Всякими там, знаете, душевными всплесками и прочими делами не страдала. А тут пообещали платить хорошо. И не обманули. Денег, и правда, было гораздо больше, чем на прежней работе. Но появился у меня повод для беспокойства. Стал замечать я, что она какая-то не такая – думает о чём-то про себя напряжённо, а мне ничего не говорит. Ничего. Ну, ладно бы, просто думала, это еще куда ни шло. А вот, перед тем, как потеряться, наверное, за неделю до этого, она... по-моему немного, ну как бы это помягче... тронулась что ли? – мужчина замолчал, задумался.

И в чём выражалась её ненормальность? – забывая о чае с пирожным, дознавалась Оля. «Легавая», знакомая ей ещё с прошлого дела, быстро просыпалась, нервно водила носом по воздуху, вынюхивая, выискивая, подмечая.

Понемногу, но каждый день: то глянет бессмысленно, то хохотнёт невпопад. Вот такие вот мелочи. Можно было бы и не заметить, если один, два раза, но у неё это случалось, я ещё раз повторю, каждый день.

А работала она, вы говорите, бухгалтером? Там нужна со-

средоточенность и ясность ума. И как же она справлялась? – подала голос Света. Её тоже постепенно начинало затягивать в водоворот нового дела.

Вот этого я не знаю. Я же с ней не работал. Во всяком случае, на работу она ходила исправно и не говорила мне, что у нее какие-то неприятности... ну, там – выговор, замечание. Ничего такого. Нет, она со мной обо всём делится откровенно. Но тогда ничего не говорила. Хотя рассеянная ходила, как будто спит или все время думает о чем-то.

Вообще-то странно. Ну, ладно, учтём, – тоном знатока пообещала Оля.

Ещё в процессе беседы детективы выяснили, что искать жену через милицию заказчик категорически не хочет. Причина – давняя вражда с родителями жены. Тем более, те уже заявили, куда надо, но только без этих странных подробностей поведения пропавшей. О них молодой муж не хочет сообщать на редкость подозрительной и скандальной теще.

Уверен – она в помешательстве Татьяны будет обвинять меня. У нее такая сволочная... простите за выражение, но это именно то слово, каким я определяю эту семейку... Так вот, там такая родня, что они и меня заедят до смерти и Татьяну не найдут. Я вообще не хочу с ними встречаться. Пусть они ищут Таню с милицией. Найдут – хорошо. А я, почему-то, очень надеюсь на вас, девочки. Мне Лариса Семёновна, – он нежно, и как показалось глазастой Ольге, несколько интимно зыркнул в сторону Ларисы, – вас очень хорошо ре-

комендовала.

Девочки покраснели от похвалы, как от быстрого бега за удирающим преступником и мысленно потеряли руки.

От заказчика вышли вместе, но Лара почти сразу же откланялась. Оставшись вдвоём, подружки перестали сдерживаться, изображая из себя невозмутимого Шерлока Холмса и доктора Ватсона в одном лице.

Ура! Мы опять нашли приключений! Даёшь адреналин по венам! – бурно и по-детски выражала Оля свою радость, довольно неподобающим для сыщика образом.

Аккуратная кучка красно-жёлто-бурых листьев разлетается в стороны пёстрыми брызгами. Оля ловит их на лету, смеётся, глядя в нестерпимо голубое небо. Там высоко-высоко, в пронзительной синеве проплывают последние летние облака.

Света тоже смотрит вверх, в небо. Она прощается с летом. Она никак не может проститься с любовью к маньяку Мишелю. На глаза ее уже просится слеза. Но Оля спугивает сентиментальную каплю – Свету осыпает рукотворный листопад. Света слабо смеётся в ответ, одними губами. И Оля, в который раз поражается силе любви, истово крестится (мысленно) и с выражением бормочет: «Чур меня, чур.»

Хорошо бы уже завтра приступить к делу, – торопится Оля.

Давай. Возьми завтра отгул на работе. Или я вообще могу

зайти к Тимофеевне и сказать, что ты не придёшь. Заболела. Скушала отравленной халвы, к примеру.

А что, разве это исключено? Кстати, чаёк у этого Павлуши какой-то тухлый, не находишь?

Нет, не нахожу... Чай как чай. Не о нём речь. Короче – ты в отгуле, поэтому нанесёшь визит в дурдом. А я после работы зайду в гости к неофициальным лицам – его сволочными родственниками не стоит пренебрегать, они могут поделиться своими соображениями на этот счет. И я уверена, их соображения будут сильно отличаться от Павлушиных. Так значит, пока собираем информацию, а потом займёмся анализом... Тьфу ты, адрес родни он не сказал! Сейчас вернуться или спросить у Лары телефон да позвонить?

Давай звякнем лучше. Не охота к нему опять. В сон чего-то потянуло...

* * *

Оля бродила по запущенному саду с тревожным ожиданием чего-то. Неясная тревога росла и постепенно определялась – Оля ждала кого-то. Ждала так сильно, что не могла сосредоточиться на образе и хоть не много нарисовать его. Еще мешал туман: он напелзал пушистым белым зверем, поглощая деревья, кусты и бирюзово-розовый закат. В груди сладко зануло от какой-то невероятно большой любви! Любовь набирала силу стремительно. Она выдавливала из глаз

мучительные, тоскующие слёзы, грозила разорвать грудь от неземного счастья. А тело зябло и тряслось, от холода, от ожидания, от нетерпения...

Но вот Оля чувствует тепло и приближение Его. Он уже рядом, он где-то тут. Но туман скрывает фигуру, не даёт разглядеть лица. Оля ждёт из последних сил, ещё немного и она проснётся от своего мучительного крика. Но ей надо потерпеть, ей надо обязательно увидеть лицо того, кто к ней идёт. Ей надо увидеть! Ей надо потерпеть! Туман, сжавившись над Ольгой, расступился, и появился Он. Незнакомое, но очень любимое лицо, с чуть раскосыми, азиатскими и жадными глазами, тревожно и влюблённо смотрело на нее в упор. Оля удивилась – его глаза тоже блестят от слёз. Она не может сдержать своих. А он тянет к ней руки... Они чужие, но Оля знает их силу и нежность. Она уже знает, что как только прикоснётся к его груди и вдохнёт запах его разогретого тела, то сразу же умрёт от счастья. От такого счастья, которого не может быть...

Он ищет её губы и шепчет жарко:

Я оставил жену, я бросил детей... Я больше не могу без тебя... Не могу...

Его безумная любовь передается Оле. Она не может справиться с силой его любви. Её разрывает от необъятного все-ленского счастья! Ее любовь просит выхода, ей тесно в пылающей груди. Любовь вырывается наружу вместе с томительным криком:

Сергей!

Оля успевает погладить его жёсткие прямые волосы, чёрные, как безлунная ночь... И всё пропало. Сад, туман, Сергей остался в безумно-сладком сне, а Оля вернулась в явь. Но она еще долго не могла успокоиться, прийти в себя, сбросить его руки, оторваться от его горящих, смоляных, влюбленных глаз. Сердце продолжало биться пойманной птицей: бешено, страстно, не жалея крыльев. Вот только счастье быстро улетучивалось, освобождая место для тоски, которая была уже реальной, принесенной из туманного сна. Оля не знала этого мужчину. Но любила, также сильно и мучительно, как несколько минут назад, во сне. Утро растворило сон, но не смогло растворить странной любви, родившейся во сне. Оля с ужасом понимала, что влюбилась в несуществующего человека, в образ, рождённый фантазией, гормонами, обрывками эмоций.

«Я сошла с ума! И зачем мне это надо?! Где мне его искать?! Его же нет на самом деле, я его придумала. Разве можно влюбиться в выдумку?!... Но я хочу его... Я не могу без него! Боже, какой бред! Что со мной? Как мне жить без него?!»

Даже не закрывая глаз, уже на память Оля видела его лицо: тревожно-влюблённые глаза чувствуют разлуку, жёсткие и горячие губы шепчут: «Я больше не могу без тебя...»

Оля яростно перебирает всех знакомых, приятелей, полужнакомых, едва знакомых. Может, он все-таки существует

в реальном мире – этот любимый незнакомый мужчина из волшебного сна?

«Я не видела его раньше. Это точно, – ошибается Оля, забывая о фотографии, намерено поставленной на видное место в комнате у Павлуши. – Но я хочу его увидеть! Хочу! Хочу! Но где?! Только во сне...»

Оля готова плакать от горя. И она, наверное, разревелась бы от горя, но нелепость злой шутки Морфея не позволила пустить глупую слезу.

Она встала с кровати совершенно разбитой. Приняла холодный душ, сварила крепкий кофе – взбодрилась через силу... И к ужасу своему почувствовала предательское желание отдаться в волшебные объятия шутника Морфея. Пускай он шутит зло, она согласна, но только бы опять увидеть Его, погладить волосы, черные, как безлунная ночь, заглянуть в глаза, услышать...

Прекрати! – приказала она сама себе. – Болезнь нельзя запускать. Да-а, это, конечно, экзотическая болезнь, но тоже наверно как-то лечится. А, выражаясь грубее, посредством маразма дойдём до оргазма. Или до сумасшедшего дома, куда, в принципе, мне и дорога.

Оля храбрилась, но предательское желание не отступало. Оля забыла об отгуле, о деле, о дерзких заклинаниях: «Чур, меня, любовь, чур». Она забыла, как жила раньше, до этой встречи во сне, в розово-голубом тумане. И что самое страшное, она не знала, как ей жить теперь, после встречи в ро-

зово-голубом тумане? Кто расколдует её, дуру несчастную, влюбившуюся в сон, но никогда не любившую в реальной жизни?

Голова гудела и пухла, а сердце продолжало биться поймавшей птицей-синицей, как только Оля вспоминала смуглое, немного азиатское лицо с глазами жаркими как азиатская ночь. Шесть часов отделяло её от счастья во сне. Шесть часов реальных мучений и любви.

Это уже смешно. Это уже похоже на бред. Мне одна дорога – в дурдом. А там как раз живёт добрый волшебник Сергей Дмитриевич. Он-то меня и расколдует... Тем более, у меня к психу есть кое-какое дело. Только вот я к делу совсем остыла.

Через «ни хочу» и в основном ради подружки, Ольга начала вяло собираться в клинику для душевнобольных. Не забывая, однако, что на главного врача больных душ надо произвести соответствующее впечатление. Одевалась Ольга продуманно: маленькая фетровая шляпка с круглыми полями, на которых росли бумажные незабудки и мак; приталенное пальто строгого английского стиля, цвета топлёного молока; тонкие перчатки и остроносые сапожки на высоком каблучке.

Ну, чисто леди Марпл. Детектив в юбке. Мне бы ещё тросточку. Да вот не хромаю пока...

Новым имиджем Оля осталась довольна: серьёзная клас-

сика сверху и авангард короткой юбки под строгой классикой – это на тот случай, если главврач психушки предложит снять пальто. У Ольги будет, что ему показать: ноги в соответствии с мировыми стандартами; обтянутая белым трикотажем грудь, в чуть неприличном вырезе кофты блестит золотая «капля».

Не понимая, зачем одевалась так тщательно, и главное, для кого, Оля нехотя пошла на задание, которое ей уже неинтересно. Её больше не волновала жизнь дневная, реальная, детективная. Она шла по солнечной оживлённой улице, до краёв наполненной людьми, в своём придуманном стеклянном шаре. Сквозь прозрачные стены не проникал городской шум. Хрупкое стекло оберегало Олю от случайных контактов, от нечаянных прикосновений, от всего, что могло бы отвлечь её от зыбкого счастья первой любви. Она больше не спорила с собой, не обзывала себя сумасшедшей дурой, и тем более не смеялась над шуткой Морфея, понимая только теперь, как же это прекрасно – любить! И уже начиная страдать от мук любви безнадёжной. Всё, что есть у Ольги – одна встреча в туманном саду, рвущее душу признание: «Я не могу без тебя», и его горящие, угольные глаза... И нет возможности жить без них. И нет возможности увидеть их.

К мрачному зданию клиники она подошла в полусонном состоянии, с рассеянным взглядом, устремлённым в никуда. Предупредительно стукнула в дверь с табличкой «Главный врач», вошла не дожидаясь приглашения, и... попала в

свой сказочный сон. За столом, в белом хрустящем халате сидел любимый и желанный! Он смотрел на Олю чёрными азиатскими глазами внимательно, заинтересованно, но как-то не влюблёно. Это был Он и не Он. Сходство шокировало. В первое мгновение она почти сошла с ума от счастья и чуть не бросилась ему на шею. Но её вовремя остановил строгий вопрос: «Чем я могу помочь?», и пронизательный холодный взгляд.

Впервые бойкая девушка терялась перед мужчиной. Она неестественно долго молчала и удивленно смотрела на воплощение своего волшебного сна. Её не пугало то, что в этом кабинете неадекватное поведение очень настораживает и воспринимается по-своему. Здесь могут предложить помощь. Психиатрическую. От которой бывает не так-то просто отказаться. Но ни страха, ни опасений. Её накрыло ночное разрывное счастье, от которого душа срывалась с якоря и летела навстречу счастью, не задумываясь, что ждёт её – безграничное море блаженства или внезапная смерть на острых рифах.

Пауза затянулась. Оля во все глаза смотрела на смуглолицего Сергея Дмитриевича, не в силах скрывать любовного урагана, который бушевал в её груди.

А Сергей Дмитриевич был совершенно спокоен, невозмутим и никаких ответных чувств. Даже искорки мимолётной не мелькнуло в его глазах. Как будто это ни он шептал во сне: «Я больше не могу без тебя...»

Глупо, как конь, топтался на месте детектив по особо важным делам, не решаясь броситься на шею любимому, и не помня уже, что привело её в кабинет главного врача клиники для душевнобольных.

Не дождавшись от Оли ни одного слова, Сергей Дмитриевич встал из-за стола, и не торопясь, уверенной походкой хозяина кабинета (и чьей-то жизни) пошёл на Олю. Девичье сердце забилось птицей, как во сне. Оно металось в груди, колотилось бешено о рёбра и рвалось навстречу.

Проходи к столу, Оля. Располагайся.

Наваждение только усилилось от его знакомого, чуть хрипловатого голоса. Совсем выбило из колеи обращение на «ты» и по имени. Олю как будто опустили в котёл, где варилась густая смола из ночной любви, страсти и доброй порции мистики. Последняя была особенно вязкой, из её липких объятий Оля никак не могла вырваться. Язык не слушался, слова забылись. А сказать надо так много! Вопросы жгли язык, но речь не возвращалась. Довольно глупый вид. Как будто подломились ноги – Оля упала в предложенное кресло. Сергей пододвинул стул, сел напротив.

Ну, говори, что привело тебя ко мне.

При иных обстоятельствах Ольга задала бы вполне уместный вопрос: «А почему, собственно, на «ты?» Но сейчас этот вопрос был не самым главным. Понимая, что уже пора заканчивать с образом глухонемой дурочки, Оля выдавила из себя то, что смогла:

Здравствуй... – но, глядя внимательно в чужие официальные глаза, ещё больше смущаясь, добавила, – ...те.

Хорошо начала, – подбодрил Сергей.

Оле ужасно не нравился его тон. Он шёл в разрез с тем, что она видела во сне. Взгляд и голос как будто отталкивали Ольгу, заставляя держать дистанцию. Но зато всё остальное тянуло магнитом. Таким сильным, что Оля физически чувствовала, как она устала бороться с желанием обвить руками его шею и дотронуться губами до смуглой щеки. Сначала до щеки, а потом... Это была невыносимая пытка – стараться загасить тот огонь, который бушевал внутри и рвался наружу. Он лизал своим жарким, шершавым языком лицо, зажигал глаза откровенно безумным светом, он выдавал Олю с ног до головы. Но не мог перекинуться на Сергея Дмитриевича. Тот продолжал наслаждаться картиной любовного пожара спокойно, иногда небрежно стряхивая с себя долетающие искры и пепел.

– Так и быть. Я напомню тебе о цели визита. Вы с подружкой увлекаетесь игрой в детективное агентство. Кстати, нигде не зарегистрированное. Нехорошо, девушки. Законы надо соблюдать. Вы же стоите на их страже? Но сейчас не об этом.

Откуда вы знаете? – наконец-то к Оле вернулась речь, и она смогла говорить и задавать вопросы.

Ну, скажем, у меня тоже есть своё маленькое детективное агентство. И я на вашу контору накладываю вето. Вот так.

Это первое, что я тебе хотел сказать. На второе будет не так горько. А на десерт... – Сергей внезапно убрал холод из глаз и сталь из голоса. Ему не надо было продолжать, за него говорил тот жаркий любящий взгляд, от которого Оля обмирала во сне. Она вырывается из реальности, её подхватывает сонная река и стремительным потоком несёт к нему.

Но Сергей Дмитриевич через секунду снова холоден и официален. Он резко закрыл тему десерта и вернулся ко второму блюду.

– Место бухгалтера у меня вакантно – ты же знаешь. Могу предложить тебе поработать вместо неё.

Он не предлагал, он отдавал приказы. Авторитарность Сергея Дмитриевича сквозила во всём: его речь была спокойна, тверда, взгляд соответствовал ей. Атмосфера в кабинете была под стать хозяину: чёткие, прямые линии, острые углы строгой мебели. Из всей палитры красок – только белый и чёрный цвет.

Но, не смотря на довольно сухое предложение-приказ поработать на него, Ольга, не думая ни секунды, выпалила:

Да, – которое звучало как: «Есть, мой генерал».

Оля, прежде капризная и непокорная, а временами просто вздорная, сейчас послушно дрейфовала, повинувшись магическим течениям и ветрам.

Так, значит, с официальной частью покончено. К работе приступишь с завтрашнего дня. Всё понятно? Вопросы есть?

Опять следовало возмутиться или хотя бы удивиться дик-

таторским замашкам нового начальника. Но Олю окутывал плотный туман мистического блаженства, он каким-то образом материализовался из навязчивого сна и настиг Олю в кабинете главного врача печальной клиники. Воля и разум оказались в плену волшебной дымки, и теперь, чтобы не говорил строгий Сергей Дмитриевич, Ольга заранее была на всё согласна. Абсолютно на всё, лишь бы остаться в сладком плену его угольных глаз, лишь бы слышать его удивительно волнующий властный голос. Лишь бы теплилась хоть крохотная искорка надежды войти в тот сказочный сон. На яву!

Пока поведение Сергея Дмитриевича не располагало к сладким мечтам. Он продолжал диктаторствовать:

– Если молчишь, значит всё понятно. И со всем согласна. Ну что ж, ознакомлю с режимом работы и со льготами в нашем богоугодном заведении. Режим щадящий: с 9 до 18, и целый час на обед. По этому пункту вопросов быть не должно, тут всё в соответствии с Трудовым кодексом. А дальше – полная малина: питание 3-х разовое и проживание в комнате люкс – бесплатное.

То есть как – проживание? – совсем уж экстравагантные льготы немного развеяли мистический дым, и Оля подала робкий голос из тумана.

– Я должен объяснить тебе смысл слова «проживание»? – бестолковость новой сотрудницы явно раздражала Сергея Дмитриевича, держащего весь персонал клиники и «Блока А» в строжайшем повиновении.

* * *

Туман клубился, густой и плотный, вязкий и таинственный. Он нежно обнимал, он не давал дышать. Он был пропитан любовью и хрустальной мечтой. Ольга захлебывалась им, она пила его большими жадными глотками, и все никак не могла напиться. Она опять ждала Сергея. Каждую ночь... Он приходил к ней каждую ночь. И во сне он любил её. Во сне он хотел её...

Но сон обрывался от Ольгиного крика, который она никак не могла сдержать. Она не могла сдержать любовь и страсть, которые рождали этот крик. Она больше не принадлежала себе, она жила в плену тумана и в плену волшебных глаз Сергея Дмитриевича – главного врача клиники для людей с нарушенной психикой.

* * *

С тех пор как исчезла боевая подруга Ольга, ушедшая на задание в весьма странный дом, Светлана затосковала. Никто ее не видел, никто не знал, где потерялась... Грустно жилось теперь Светлане, одиноко жилось. Без любви, без дружбы. Миша и Ольга – два её самых близких человека исчезли примерно в одно и тоже время. Их место заняла противная

соседка баба Гутя, которая неделикатно внедрялась в Светкино пространство, используя весовое превосходство и скандальный нрав. Без подруги и без компаньона по делу сыска и дознания Света чувствовала себя слабым человеком, которого любая баба Гутя может легко забить, морально. И уж, конечно, ей одной не справиться с такой огромной заржавевшей машиной, как детективное агентство. Брошенное на произвол судьбы агентство разваливалось прямо на глазах: заказов на розыск не поступало; дознавались потерпевшие тоже в основном сами, без помощи Светланы, своими силами и средствами. Лариса Семеновна новых клиентов не приводила и, вообще, делала вид, что Светланы в природе как бы и не существует. Жила-была Светлана, а как только исчезла Ольга – автоматически с ней исчезла и Светлана. Лара перестала вмешиваться в процесс аренды: все финансовые вопросы отныне решал мягкотелый муж Ларисы Семеновны – Васенька. Он с удовольствием втянулся в это дело, постепенно развивая деловую хватку и культивируя в себе жадность и злость. Одинокой Светлане становилось все трудней удовлетворять его растущие потребности, она еле сводила концы с концами, чтобы платить за квартиру. Но съезжать из почти родной обители, где было столько хорошего и плохого, откуда ушла на своё, хотелось бы надеяться, не последнее задание подруга Оля, сентиментальной Свете не позволяла память, нагло плюющая на тот факт, что девушке уже не по карману. Светлане очень хотелось верить, что жерт-

ва эта не напрасна – когда-нибудь вернется Ольга и заживут они хорошо, как прежде. А может быть ещё лучше, потому что прежде временами было довольно поганенько. Прежде она верно и чисто любила Мишеньку-Мишеля, а он оказался маньяком, который вообразил себя чистильщиком. С людским пороком, в виде разврата, он боролся своими методами – сексуально-преступными. За что и был пойман Светой и ее подругой Олей, у которой в гардеробе был черный пояс и белое кимоно.

А пока Светлане оставалось только ждать и надеяться. Надеяться и ждать. И снова ждать и вновь надеяться. А Ольга всё не объявлялась. Вот в это время судьба-злодейка решила проверить на прочность моральные устои детективного агента, борца с человеческими пороками. В виде провокации она подбросила Светлане симпатичного карманного воришку, представителя той самой неуважаемой профессии, которых Светлана презирала всей своей чистой незапятнанной душой.

Одним неласковым и поздним вечером Светлана возвращалась с работы домой. Поздним потому, что накопившиеся дела не отпустили ее домой в обычное время, а задержали до времени позднего, немного необычного, когда улицы полны неожиданностей и все кошки стали черными. В трамвае кроме нее нашлось с десятков таких же припозднившихся людей с усталыми, заезженными лицами. Их головы мотались в такт движению трамвая, их глаза смотрели сквозь

время, куда-то в теплую сонную даль. В такой разнеженной полудреме пребывала и Светлана, замученная четырех, пяти и даже шестизначными цифрами бухгалтерского учета.

Она стояла на задней площадке трамвая и рассеяно наблюдала за тем, как быстро уходят рельсы в темноту. Темнота упрямо бежала за трамваем, но всё никак не могла догнать маленький дребезжащий вагончик, который спасался от прожорливой темноты с помощью десятка тусклых лампочек-фонариков. Они освещают салон таким спокойным неярким светом, который еще сильнее вгоняет в сон последних пассажиров.

Глаза у Светы закрываются: она видит белый лист бумаги, а на нем много-много вздорных единиц, двоек, троек... Они свалились в безобразную кучу, и Света знает, что эту кучу ей придется разгребать. Одной, без Ольги...

Вдруг она чувствует, как к ней в карман прокралась теплая и мягкая рука. Но это не ее рука. Обе ее руки лежат на поручне и пытаются удержать уставшее, полуспящее тело в горизонтальном положении. А в кармане у нее лежал маленький пухленький кошелек, который она наполнила деньгами. Как раз сегодня, в день зарплаты. И положила его близко, так чтобы чувствовать его бедром, чтоб не ушел он незамеченным в чужие, воровские руки, как тогда, однажды в Одессе. Но эти руки снова тянутся за ним! Маленький и пухленький в опасности!

Не оглядываясь назад, Светлана говорит не своим голо-

сом и не своими словами. И голос и слова она позаимствовала у своей более агрессивной подруги. У Ольги были основания вести себя чуть агрессивно: черный пояс, тренировки, уверенность в себе, опыт боевых действий на пустыре, где она забивала ногами пойманного маньяка – любимого Мишу... Мишеньку... Мишеля... Светлана нагло блефовала. Причем, она сама не понимала, как вырвались из нее эти грозные чужие слова:

– Я тебе руку ломаю...

Сказала и испугалась больше сама, чем тот несчастный, которого она вот прямо сейчас хотела сделать беспомощным калекой. Тот, кто стоял у нее за спиной, как будто бы не сильно испугался, но продвижения во глубину кармана прекратил.

– Ну, ломай, – великодушно разрешил вор.

Светлана обернулась. Они стояли в ряд. Их было двое. И по внешнему виду – оба не студенты-очкарики интеллигентного филологического факультета. По внешнему виду оба отчетливо напоминают людей очень бесчестной профессии. Один, правда, напоминал чуть меньше. А вот из другого так и перло криминальное прошлое, настоящее и будущее. Тот, что поизысканней, лез в карман Светлане, а тот, что понаглей стоял на стреме, закрывая своим телом некрасивую картину скрытого отъема денег у зазевавшейся гражданки.

Молчание на задней площадке трамвая затягивалось и становилось всё напряженней. Молчание надо было разря-

жать каким-то действием. Тут уж либо Светлана должна начать ломать руку, как и обещала. Либо пойманная рука должна стремительно покинуть чужой карман. Как не удивительно, но победила в этом поединке нежная Светлана – ей даже не понадобилось демонстрировать свою жестокость, которой, к сожалению, она не обладала. Рука вора так же мягко и осторожно ушла из ее кармана, ушла пустая, без кошелька. Зато и не сломанная.

Светлану начало потряхивать, она опять столкнулась с криминалом, но в одиночестве, без Оли. «Что дальше? Кричать, как водится: «Караул! Грабят!» или промолчать? Пусть вор уходит спокойно, ненаказанным? А кто ж его накажет?» – спрашивала она сама себя. И стало Светлане еще страшней, когда посмотрела она за мрачное окно, где темнота преступная и все кошки черные, как бандитский знак. – «А если они меня накажут? Как это ни глупо, но они, наверняка, в обиде на меня за то, что не дала им выкрасть собственный кошелек».

Но воры тоже были в некой релаксации по случаю позднего вечера, неяркого освещения и усталости, накопившейся за рабочий день. Тот, что на стреме – готовился сойти на остановке, к которой тихо подползал полууснувший маленький трамвай. Второй как будто следовал за ним. Светлана уже собирается вздохнуть с облегчением, и даже задерживает дыхание, дожидаясь команды: «Всё позади! Свободное дыхание». Но видит, что на выход приготовился лишь один.

Второй имеет желание проехать дальше. Друзья-карманники о чем-то негромко говорят, совсем негромко матерятся и прощаются слегка недовольные друг другом. Один уходит, один остается. Команды: «Всё позади! Свободное дыхание» так и не последовало. Остался тот, который лез в карман. Как видно, его обидело желание Светы сломать ему рабочую конечность, возможно, его задела грубость, жадность пассажирки. Во всяком случае, Светлана только так объяснила себе его нежелание уйти в ночь, вслед за первым.

«Ишь, как обнаглели, сволочи, ничего не боятся! – сама боясь, но негодуя, думала она. – За руку схватила, а он даже сознание от страха не потерял. Я же сейчас еще буду его бояться и извиняться за свою необоснованную жадность».

Но вор, казалось, не держал зла. Вид его приобрел даже некоторую галантность, лишь только его напарник – грубый и невоспитанный парниша, исчез в ночи. Всё было странно в этот час: куда-то тихо ехал по мрачному тоннелю ночи темный уснувший трамвай. На задней площадке, у черного стекла стояли двое: карманный вор и она, бывший детективный агент, борец за чистоту помыслов и рук.

Как только он заговорил, враждебное напряжение стало понемногу проходить. Его голос оказался нежным и волнующим, как песня ночной птицы в тихом, глухом лесу. Пока он говорил – Светлана забывала о его руке в своем кармане. Когда он ненадолго умолкал, по спине опять ползли холодные мурашки страха, презрения и злости – это же вор!

Она не знала, что ему надо от нее. Несчастный кошелек? Зачем? Из принципа, чтобы отчитаться перед своим дружкой и перед своим Эго? А может он жаждет наказания за свой провал? Она не знала, что ему надо. Но видно по всему – он ехал с ней не просто так, и говорил не просто так... а чтоб понравиться???

Светлану эта догадка так поразила, как будто она была седым горбатым дедом, а не девушкой, довольно привлекательной, особенно в ночи, когда полам так хочется любви.

– Ты не боишься так поздно одна? – как будто пугая ее, спрашивает мужчина, но таким голосом, что хочется испугаться немного, а потом как бы в страхе, прижаться к нему...

Светлана злится на себя невероятно за такие провокационные желания, и пугает изо всей силы сама себя – голосом злобным и сварливым: «Сейчас дойдешь с ним до темного переулка и так прижмешься к нему от страха – не оторвать. Там он тебя напугает – сразу на две статьи, это в лучшем случае... А в худшем – напугает и на третью, до смерти».

А вор продолжает ее нежно пугать, не дожидаясь темного переулка:

– Как такую красивую отпускают вечером одну? Неужели никто не ждет и не встречает? – волнуется он за ненужную и красивую.

И чуть прижимается к ней плечом. И чуть тише говорит, а чтобы слышно было его полуинтимный шепот, он наклоняется к Светлане ближе. И ей уже совсем не страшно в такую

воровскую ночь. И ей почти не грустно, что ее никто не ждет и не встречает у подъезда в такую романтическую ночь.

– И не встречает. И не ждет. И отпускают, потому, что одна я, не у кого мне отпрашиваться, – чистосердечно, как на суде, признается Светлана.

И тут же хочет удавить себя за излишнюю откровенность, которая для криминального элемента как сигнал к действию. Но он не торопится ограбить, изнасиловать, а напоследок еще и убить одиноко проживающую девушку. Ему что-то надо от нее, но не понятно что. Он прижимает одинокую, ничью еще чуть крепче, но всё также мягко. И Светлане кажется – она знает, что ему надо. Его рука ложится на ее бедро, как раз на уровне кармана. И голос боевой подруги Ольги опять автоматически, не спрашивая Свету, говорит грубые слова:

– Ты карманы у меня проверяешь?

Светлана не хотела этого говорить. Она хотела стоять молча и рассеянно наблюдать, как рельсы поглощает романтическая ночь. Она хотела смотреть полужакрытыми глазами в непроглядную темноту и рисовать неясные картины неясных желаний. Она хотела хоть раз в жизни нарушить правильные установки правильного маньяка Михаила и совершить какое-нибудь безрассудство. Поцеловаться, например, в трамвае с этим отрицательным и всеми порицаемым субъектом.

Ее правильный Мишенька, наверное, извел бы ее нудны-

ми лекциями о том, что так может вести себя только грязная шлюха, такая же грязная и такая же шлюха, как и подруга ее, Ольга. Но где ты теперь – борец за женскую нравственность и ложный стыд? Сидишь за массовые изнасилования распутных особ и покушение на убийство наживки Ольги. «Красивый лживый оборотень», – впервые подумала Светлана не очень хорошо, с упреком о своем авторитетном Мишеньке. Впервые ей, как трудному подростку захотелось взбунтовать, пойти против устоев лживой и ханжеской семьи, которая держала ее полвека в чистоте и нравственности, а сама грешила направо и налево, в будние дни и великие церковные праздники.

Захотелось ей сейчас взбунтовать, да помешала бдительность и грубые слова, сказанные не своим голосом. Для вора этих слов оказалось достаточно, чтобы он обиделся. Он, как будто, за эти несколько минут, пока они ехали в объятиях странной ночи, успел забыть, что он есть вор. Успел. Забыл. И размечтался... Светлана ткнула его носом. И он обиделся. И вышел на ближайшей остановке, не сказав ни слова своим чарующим голосом, который заставил Свету забыть на время, что он есть вор.

Он вышел, и стало всё ни так. Всё стало обыденно и серо. Приглушенный, таинственный свет неярких ламп уже казался тусклым и унылым. И ночь не поглащала рельсы как красивое сказочное чудовище. И страшно стало уже по-настоящему оттого, что никто не встречает такую красивую девуш-

ку. И грустно оттого, что не встречает и не провожает. И не к кому прижаться холодным плечом. И не с кем нарушить устои лживой ханжеской семьи...

Светлане вдруг стало очень одиноко. Она почувствовала свое одиночество особенно остро после ухода вора. Нет, она не хотела продолжать знакомство с криминальным элементом. Ей просто на минутку стало уютно и тепло под защитой его плеча. Она почувствовала его защиту, интуитивно, почти сразу, как только он перестал быть для нее вором. От Миши, который казался ей очень правильным и надежным, никогда не исходило такой надежности. «Как странно, – подумала Светлана, – один вор, другой насильник и душегуб... И всех их тянет ко мне. Может во мне что-то ни так? Может я тоже скрытый насильник и душегуб? Нет, первое однозначно исключается». Второе Светлане не виделось даже в страшном-страшном сне. А между тем, сон мог и не сбыться, если бы Светлана чуть позже прислушалась к сердцу, а не к словам коллег и сумела правильно расшифровать предсказания гадалки. Но это будет после, а сейчас...

По рельсам устало ехал полусонный трамвай, а за трамваем упрямо ехало такси. Оно спешило за убегающим трамваем несбывшихся порочных желаний. Оно настойчиво преследовало кого-то в этом убегающем трамвае. Такси догоняло кого-то.

Светлана не видела того, кто догонял. Она видела только огонек сигареты, горящей как маячок. Она только догадыва-

лась, что это может быть он. «Как странно, – опять подумала она. – Он догоняет. Зачем?» И необычная воровская и романтическая ночь ей тихо подсказала. Подсказка разволновала. Подсказка прогнала вялое полудремотное состояние и нагнала чего-то неприличного. Подсказка ее немного разозлила. У нее с вором ничего не может быть. Это противостоестественно. Это против ее принципов. Этого не может быть, потому что просто не может быть!

А такси догоняло. Красный маячок сигареты все ближе. И Света волнуется все сильнее, оттого, что это, безусловно, и противостоестественно и против принципов, и не может быть по определению, но он сейчас ее догонит... Зачем? Чтобы нарушить все ее принципы? А потом? «Уж лучше бы я дала ему украсть свой кошелек, чем он сейчас, похоже, украдет мой покой и мои принципы», – запоздало пожалела Светлана о том, что не откупилась сразу деньгами. И почему-то не испытывала она отвращения, что понравилась вору, который несколько минут назад хотел лишить ее зарплаты, которая задаром не дается. А он, такой сякой, низкий и ничтожный, намеревался потратить ее, с трудом заработанные деньги, на себя белоручку. Или, что еще обидней – на свою фартовую подругу. Ведь это подло и очень некрасиво.

Однако же она почти забыла этот досадный эпизод с чужой рукой в ее кармане. Все как будто только начиналось с этого момента: темная ночь – неправильная, провоцирующая. В ночи – такси, и этот красный огонек, который не про-

падает из вида, который притягивает ее оголодавший взгляд.

Светлана была молода, она хотела нежности и любви, она хотела мужского тепла. Ее тело хотело того же. Ее сердце чувствовало, что красный огонек в ночи может разгореться до яркого пламени, который сможет согреть и душу и тело. А может и спалить... Сердце чувствовало и предостерегало, пугая предшествующим опытом влюбленного человечества.

И такси догнало вяло убегающий трамвай.

Он вошел в вагон, как будто в первый раз, как будто не было его руки в ее кармане. Теперь в его руке был букет из миллиона маленьких голубеньких лепестков. И в сыром воздухе осени волшебным запахом лето.

«Так это же незабудки!» – удивилась Светлана.

Его первый вопрос был из прошлого:

– Ну что, проверила карманы? Всё на месте?

Светлана стыдливо отвечает, улыбаясь незабудкам:

– Всё.

Хотя карманы проверять не собиралась. Она все время думала о нём. Она уже почти забыла, что он вор. Так просто – захотела и забыла.

Он протягивает ей букет из нежных голубых лепестков.

– Не забудь...

И становится рядом. И дальше они едут молча. Но молчание уже не напряженное, в нем нет вражды, оно не требует разрядить себя каким-нибудь словом. А маленькие цветы незабудки обещают, что этот вечер не забудется. И тон-

кий нехитрый аромат лесных цветов проникает в легкие, и легкие расправляются, и грудь поднимается, и дышится уже как-то иначе, легко и радостно, как в зеленом лесу. И чудится Светлане темный лес, спящий и немного страшный. А по тому лесу идут они, взявшись за руки. И не страшно Светлане рядом с этим непонятным мужчиной, от которого одновременно исходят волны опасности и волны спокойствия. То одна волна вырастет до размеров цунами, то другая перерастет её. Так и чередуются волны, не давая Светлане разобраться в том сложном чувстве, которое пробуждает в ней полуночный вор-карманник.

И молчание затягивается, и затягивает сильнее в тот темный незнакомый лес, где хорошо и страшно, где темно и чуть тревожно, где маленькие незабудки волнуют нежным ароматом, где сочетаются опасность и надежная защита. И хочется Светлане не выходить из сказочного леса, бродить там до утренней росы, не покидать трамвай неясных порочных желаний, а ехать так и ехать – до кольца, а потом обратно. И так по кругу, хоть до утра. И хочется ей пропустить, как будто бы случайно, свою остановку и посмотреть, что будет дальше.

Но остановка неумолимо подкрадывается все ближе и ближе. Она не даст проехать мимо и забыться в придуманном лесу чистых и порочных желаний. Совсем скоро надо будет говорить строгим голосом, тем которым обычно говорила Ольга, когда хотела отшить навязчивого кавалера: «А провожать меня не рекомендую. В целях вашей безопасно-

сти». Боевая подруга Ольга могла убеждать так веско, что ее почему-то всегда слушались. Но Света так не сможет. Да, ели честно, ей не охота прерывать странный вечер-прогулку по придуманному лесу. Хотелось продолжить вечер-протест, вечер-бунт против Мишиных доктрин, нарушать которые оказалось так неожиданно приятно. Или всё дело не в нарушении Мишиных доктрин? А всё дело в том, с кем эти самые доктрины она собирается порушить?

Трамвай желаний медленно подъехал к остановке, проехать которую Светлана не смогла. Она все-таки не стала поддаваться настроению сумасбродной ночи. Он вор. И этим всё сказано. И с этим ничего нельзя поделать. Это уже не исправить. Его руки и честь запятнаны чужими кошельками. А голос его чарующий и букетик цветов завтра вспомнится с ядовитым сарказмом и легким отвращением. А может и не легким, в зависимости от того, какое настроение будет с утра. А потом последует болезненный укол проснувшейся совести, которую разбудит всевидящее око праведника Мишеля, облаченного в казенное одеяние кающегося грешника. Не смотря на все преступления и прегрешения любимого мужчины, Светлана не могла его забыть, не могла разлюбить, а значит ей пока нельзя любить другого. А без любви всё будет пошло и противно. А без любви ей не надо ни этих нежных голубых цветов, ни голоса, который уже успел очаровать ее.

Светлана опять воспользовалась холодным тоном подруги

и одной из ее дежурных фраз:

– Провожать меня не рекомендую. В целях вашей безопасности.

Проговорила она чужую фразу неуклюже, как будто плохо выученную роль, которую по причине непонимания не смогла прочувствовать до конца, сыграть с душой.

Он словно не расслышал фальшивой реплики:

– Я провожу тебя.

И тут вырвалось у нее свое, прочувствованное, которое прозвучало искренне и слишком заинтересованно:

– Зачем?

Вырвалось зря, об этом Света сразу же пожалела. Она совсем не нравилась себе. Она никогда не могла вести себя с мужчинами как надо, как ее учила опытная Ольга: «Не раскрывайся перед мужиком ни в коем случае. Я имею в виду – душевно, конечно. Он должен всегда быть голодным, слегка на взводе. Он, бедный, нелюбимый должен быть немного неуверен в тебе, а некоторым полезно это «немного» периодически доводить до показателей «совсем неуверен в тебе». Старушка, поверь моему профессиональному опыту, желание завоевывать тебя мигом пропадет, как только охотник заметит, что ты сама идешь ему в руки».

Вот так когда-то учила Свету премудрая Ольга, опытная, везучая и невлюбленная. Ей всегда везло с мужчинами, она могла крутить ими как детской игрушкой юлой. У мужчин кружилась голова, а Ольга только звонко смеялась и крути-

ла еще сильнее. У неё самой голова никогда не кружилась, она всегда была свободна в своих действиях, она никогда не зависела от такой глупости, как любовь к мужчине.

Светлана же так не умела: искренность в отношениях так и перла из нее. Она не могла скрывать симпатии, она была готова завалить нежностью и заботой того, кто ей понравился. И права была Ольга, действительно, мужчины заметив, что девушка ими очарована, почему-то быстро теряли интерес к симпатичной, но простодушной. Не терял к ней только своего маниакального интереса Мишель. Видимо из-за этой самой прирожденной чистоты и простодушия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.